

О МОЕЙ МАМЕ

О МАМЕ моей можно было бы написать целую повесть. Она из батрацкой семьи, из станицы Старошербиновской Краснодарского края. Юность ее прошла в бурные годы, когда горячие речи произносили, вскочив на бочку, спорили до хрипоты на комсомольских собраниях, устраивали концерты для детских домов. В двадцать восьмом мама вступила в партию. Была совсем неграмотная, но участвовала в коллективизации. Только потом в Москве закончила высшую сельскохозяйственную школу, а в Краснодаре получила диплом зоотехника.

Мать и в семье, и в колхозе была полководцем. И дом на ней держался (а детей у нее было шестеро), и в колхозе много лет была председателем. Она умела так говорить, убеждать, что люди откликались на любой ее призыв.

Трудные это были годы, но я не помню, чтобы мать ворчала. Все-то было у нее хорошо. Даже вот с галошами. Не было их, а она надеялась: будут, привезут. Многого не хватало, но она говорила: ничего, все хорошо, все будет — и хлеб без карточек, и электричество проведут.

В самое трудное время она умела скрасить жизнь, возвыситься над горем. Я была девчонкой, когда фашисты подошли к станице. Матери моей, как коммунистке и председателю колхоза, посоветовали скрыться. И мы поселились на стану, в летней постройке. Утеплили там одну комнатку и стали жить. Маму навещали колхозники, приносили продукты. Партизаны держали с ней связь. Заместитель начальника партизанского отряда Князев рассказывал о положении на фронте. Может, и не было в этом особого героизма, но мама как могла старалась поддержать людей, развеять тяжелое настроение, вселить веру в победу. Немцы обманывали: Москва, мол, взята, война проиграна... Вот мама и старалась ободрить людей, и ей, как всегда, верили.

Помню такой эпизод. Немцы приказали угнать колхозный скот в Германию. Мама и ее помощники придумали, как спасти стадо. Скот загнали в высокую кукурузу и полтора месяца там держали: кормили, поили из родника, передавая по цепочке ведра. А на поле дежурили наши. Один парень написал углем на повязке «полицай» — вроде он немцам служит. И когда кто-нибудь подходил, он объяснял: все в порядке, гоним скот в Германию.

По вечерам мама нам читала. Лежим мы на соломе. Печка трещит, а мать читает. Почему-то особенно запомнились «Грач, птица весенняя» и «Анна Каренина». В такие минуты казалось, что война где-то далеко, а вокруг счастливая жизнь. Так она умела создать дух надежды, веру в хорошее.

В сорок пятом я решила поехать учиться во ВГИК. Узнав об этом, мать пошла к военным просить, чтобы они меня подвезли. Но те, конечно, не могли этого сделать. Тогда я с котомкой в ру-

ках пошла на станцию, села в товарняк и без билета поехала в Москву.

Годы были голодные, холодные. Мать только и могла, что поддерживать морально. Она писала: «Ты не смей уезжать. Если уедешь, то, значит, не из нашей породы». Но потом дела стали лучше. Сыграла я Ульяну Громову, приглашили меня на роль в фильме «Возвращение Василия Бортникова». Мать из деревни продолжала давать указания: «Когда будешь к трактору подходить, губы не кусай, подходи, как будто ты его сто лет знаешь». Так, на расстоянии она учила меня играть.

Я сейчас думаю, что в ней таилась великая актриса. Бывало, только войдет в магазин и сразу увидит пять эпизодов интересных и о каждом расскажет и даже сыграет. Своих актерских способностей она, конечно, не ощущала, не придавала им значения. Но на людей они действовали магически.

Помню, в послевоенные годы у нас в избе всегда было полно женщин. Приходили со своими горестями, радостями, с тайной любовью. Вот сидят они, о своем толкуют. Бывало, и выпьют, песню запоют. А в ней, в песне, тоска такая... Я смотрю то на этих женщин, то на мать. А через несколько лет память о них ожила в картине «Простая история», где эти женщины, обездоленные, обделенные счастьем, пели, смеялись и плакали.

Еще припоминаю, какая была мать советчица в любви. Бывало, придут к ней мои подружки, жалуются: «Ах, он обманщик, такой-сякой...» А она в ответ: «Погоди, давай я тебе на карты кину». Карты раскинет, и вдруг так спокойно: «Да на черта он тебе сдался?!»

Она широкая была, бескорыстная. У нас сроду не было ни надеть, ни поесть. А мать говорила: «Ну, и ничего, зато к нам воры не придут».

Поразала меня ее прямо-таки страсть к политике. Она все газеты читала, все знала, где какой кризис, куда какой премьер поехал. Бывало, соберутся на зорьке колхозницы, на травку усядутся, она им газеты читает. В пятьдесят четвертом мама переехала в Подмосковье, чтобы быть поближе к нам, детям. Работала в Люберецком совхозе «Поля орошения».

...Я заметила одну закономерность: когда родители с нами, мы как-то и не замечаем, какие они. А вот уйдут, и все в них видится каким-то высоким, необыкновенным. Мама умерла нестарой. И когда это случилось, в моей жизни образовалась пустота, которую ничем не заполнишь. Если бы человеческую жизнь можно было бы изобразить в виде радужного спектра, то в моей с ее уходом не стало самого яркого цвета.

Она умела жить. И очень любила петь. У нас в семье все поют. Мать напевала: вспоминайте обо мне, но не плачьте, а пойте. И всегда, когда мы всей семьей собираемся, мы запеваем мамины песни.

Нонна МОРДЮКОВА,
народная артистка РСФСР.